

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИСЛАМА В ЧЕЧНЕ (XVI-XIX ВВ.)

**Т.М. Айтберов
Ш.М. Хапизов**

В статье анализируются известные исторические данные о распространении ислама среди чеченцев в XVI-XIX вв. Авторам удалось выявить новые эпиграфические памятники – эпитафии распространителей ислама и их потомков на территории Восточной Чечни. Эти материалы позволяют датировать начало распространения ислама в этом регионе XVI веком. В первую очередь процессом исламизации было охвачено население исторической области Нохчимохк, прилегающей к аварским районам Дагестана. Уже затем, в XVII в. ислам распространялся в Центральной Чечне, расположенной в предгорной и горной части Аргунского ущелья. И в последнюю очередь – на рубеже XVIII-XIX вв. – происходило распространение ислама в западной части горной Чечни (Акка, Наиха, Орстхой), приграничной с Ингушетией. Привлечение письменных источников XIX – начала XX в. позволило уточнить, что процесс распространения ислама в Чечне активно протекал в XVII-XVIII вв. и завершился лишь в 1820-е гг. Помимо проблемы исламизации чеченского народа в статье рассматриваются вопросы истории взаимоотношений чеченского народа с кабардинцами и аварцами. Материалы, введенные авторами в научный оборот, свидетельствуют о том, что в XVI-XVII вв. кабардинцы широко расселились не только в равнинной части современной Чечни, но и в предгорной ее части – Нохчимохке. Более того, они довольно долго сохраняли свое этническое своеобразие, что выражалось в бытовании адыгской антропонимии. Привлеченные авторами письменные арабоязычные записи свидетельствуют о значительном вкладе Аварского нуцальства в процесс исламизации горной Чечни.

Ключевые слова: Чечня, Нохчимохк, Кабарда, Авария, ислам, Берсан, Терман Ол, эпиграфика.

The article analyzes known historical data on the spread of Islam among the Chechens in the XVI-XIX centuries. The authors discovered the new epigraphic monuments – the epitaphs of the Islam missionaries and their descendants in East Chechnya. These materials allow dating the beginning of the spread of Islam in the region by the XVIth century. Firstly the population of the historic area of Nohchimohk bordering with the Avar regions of Dagestan was involved into the process of Islamization. Then, in the XVIIth c., Islam spread in Central Chechnya, situated at the foothills and mountainous part of the Argun gorge. At least – at the turn of the XVIII-XIXth centuries – Islam spread in the western mountains of Chechnya (Akka, Nashkha, Orstkhoy) bordering with Ingushetia. Using the written sources of the XIXth – early XXth centuries helped to clarify that the process of the spread of Islam in Chechnya actively proceeded in the XVII-XVIII centuries and ended only by the 1820s. Besides the problem of Islamization of the Chechen people, the article considers the history of the Chechen people's relationships with Kabardians and Avars. The materials introduced by the authors in the scientific using, show that in the XVI-XVII c. Kabardians widely settled not only in the flat part of present-day Chechnya, but also in the foothill part – Nohchimohk. Moreover, they for a long time retained their ethnic identity, which was manifested in existence of Adygs anthroponymy. Written Arabic-language records attracted by the authors show a significant contribution of Avar nutsaldom to the process of Islamization of mountain Chechnya.

Keywords: Chechnya, Nohchimohk, Kabarda, Avaria, Islam, Bersan, Terman Ol, epigraphy.

Вопрос об истории распространения ислама в Чечне вплоть до настоящего времени не становился предметом обстоятельного исследования, которое бы ответило на ключевые вопросы о хронологии, главных действующих

лицах и других обстоятельствах этого процесса.

Еще во второй половине XIX в. были зафиксированы чеченские предания и легенды о неких «Термаоле» и Берсане, которые сыграли ключевую роль

в исламизации чеченцев [1, 579-599; 2, 54-55]. В дальнейшем этого вопроса касался еще ряд исследователей, среди которых можно отметить М.Б. Мужухоева, анализирующего вайнахские предания и данные русских источников XVII-XIX вв. [3] Разыскания ученых Чечни и известные им факты на страницах своей «Истории Чечни» обобщил известный кавказовед Я.З. Ахмадов [4, 284-291].

Авторы академического труда, посвященного истории и культуре чеченцев, так и не смогли ответить на поставленные в начале статьи вопросы, ограничившись обобщением уже опубликованной ранее информации. По их мнению, «Термаол» начал распространять ислам в конце XVI в., а «окончательное же принятие ислама чеченцами... произошло под воздействием другой исторической личности по имени Берса-шейх» [5, 426-427]. Упомянувшийся выше Я.З. Ахмадов считает, что «восточный» регион, прилегающий к Дагестану, «был исламизирован в XV в.» [4, 284-285]. Думается, однако, что здесь не хватает ссылок на достоверные источники, ибо, делая опору лишь на логику и исторические параллели, трудно быть убедительным в своих заявлениях. Восполнению этого пробела, как мы надеемся, поможет введение в научный оборот новых данных о вышеупомянутых Берсане и «Термаоле», а также об их деятельности по распространению ислама в Чечне.

В рамках предлагаемой статьи мы охватываем прежде всего территорию современных Веденского, Ножайюртовского и южной части Курчалоевского районов Чеченской Республики, которая исторически была известна на Восточном Кавказе как Нохчимохк или Ичкерия. Ичкерия – топоним тюркский (*Ичери* – «внутренний»), на

родном языке чеченцы называют данную территорию Нохчи-мохк (чечен. *мохк* – «земля, страна»). Схожее название встречается и у аварцев рубежа XIX – XX вв. – *Нохчимухъ* (авар. *мухъ* – «сторона, страна»). В XVIII в. и ранее аварцы в отношении ичкеринцев употребляли термин *Жани-буртиял* (авар. – «внутренние чеченцы»).

Территория Нохчимохка занята в основном северными отрогами Андийского хребта. Это – благодатные для жизни, в основном предгорные, земли, общей площадью около 1500 кв. км, покрытые лиственными лесами. Разделены они на речные долины – в начале, в горах, весьма узкие, но потом все более и более расширяющиеся, – из которых самой большой по площади является та, что образована течением р. Хулхулау. Затем следует упомянуть здесь реку Аксай (*Яхси*) с ее долиной и реки Ямансу и Ярыксу с их долинами, которые относительно малы.

Особая значимость Нохчимохка в истории Северо-Восточного Кавказа заключается в том, что говор, который сформировался в указанной предгорной зоне позднее – в XVIII в., лег в основу диалекта, получившего преобладание в равнинной Чечне в XVIII – начале XIX в. В эпоху же окончательного утверждения власти Российской империи (после 1859 г.), а затем и советского государства, со всеми их политическими мероприятиями и акциями (в том числе укрупнение населенных пунктов и депортация в Среднюю Азию в 1944 г.), на фундаменте последнего (фактически, на основании вайнахского диалекта Нохчимохка) – сложился современный чеченский литературный язык.

Еще во второй половине XIX в. были зафиксированы чеченские предания и легенды о некоем **Берсане**, который

сыграл большую роль в исламизации чеченцев Нохчимохка [1, 579-599; 2, 54-55]. Как пишет чеченский автор второй половины XIX в. У. Лаудаев, «при окончательном утверждении исламизма между чеченцами, в главе народа стоял некто Берса (Берсан), Кирчалинской фамилии; он имел влияние в народе, его называли имамом и шейхом (святым)». В дальнейшем он рассказывает о распространении Берсаном ислама в селах Гуни и Агишпатой [2, 29].

Согласно преданиям, собранным Ив. Поповым у жителей сел. Гуни и опубликованным в 1872 г., ислам они приняли от «шейха Бэрсана, сына женщины из нашего аула, вышедшей замуж за курчалинца, жившего в ауле Курчали». Они же рассказывали, что Берсан, «будучи ловким молодым человеком, впоследствии отправился в Кази-Кумух (в Дагестане), с целью выучиться грамоте по-арабски; чрез короткое время, оказав большие успехи, он воротился домой и жил, не отличаясь особенно ничем». Далее предание указывает на факт нападения аварцев на селение, в котором жила семья невесты Берсана: «Аварцы, опустошив часть аула, уже отступали обратно, когда Бэрсан догнал главу партии и выстрелом нанес ему смертельную рану». Раненый, назвав себя «шейхом Гада», обращавшим людей в ислам и учившим их нормам шариата, завещал Берсану – «обращай народ в мусульманство и прими его, прежде всего сам». Гада вскоре умер, а Берсан, под впечатлением от происшедшего, принял ислам и распространил его в первую очередь в родном селении Курчали [1, 591-592].

Данные, собранные Ив. Поповым относительно происхождения Берсана, противоречат друг другу. К примеру, в приведенной выше цитате говорилось, что он был чеченцем из сел. Курчали,

чему противоречит другой отрывок из сочинения того же Ив. Попова: «Несколько слов о шейхе Бэрсане. Ичкеринцы говорят, что он выходец из Кази-Кумуха (в среднем Дагестане). Будучи пропагандистом учения Магомета, Бэрсан был человеком строгих правил и искренно веровал в слова Корана. Явившись в Ичкерию, он прежде всего поселился в ауле Курчали, откуда, как говорит предание, не мечом, а сильным словом и точными предсказаниями будущих событий, проводил мусульманство в окрестные аулы» [1, 589]. Далее, при описании селения Нижний Курчали, Ив. Попов уточняет, что «Нижний Курчали – родина шейха Бэрсана; здесь же и могила его, весьма чтимая народом» [1, 597-598].

Обращаясь к годам жизни Берсана, мы находим лишь одно косвенное на то указание. Ив. Попов в 1872 г. пишет об истории селения Эрсеной и, перечисляя предков старейших жителей этого населенного пункта («Албаст и Чополау, живущие и ныне в ауле Эрсеной, как представители своей фамилии: оба уже старики»), ставших его информаторами, указывает, что «в восьмом поколении (Дырши), явился в Эрсеной шейх Бэрсан, внося с собой учение Ислама» [1, 589]. Если учесть, что, согласно семейным спискам 1867 г., Албасу Мачиеву было 42 года, а Чопалаву Мачиеву 71 [6, 272, 276] (анализ состава семей сыновей этого Мачи заставляет нас думать, что Чопалаву в 1867 г. был 61, а не 71 год), их предок Дырши, скорее всего, родился в 1540-1560-х гг. Таким образом, время его активной жизнедеятельности приходится на конец XVI – самое начало XVII в., когда вышеуказанный Берсан распространял ислам в Нохчимохке.

Одному из авторов посчастливилось первым среди кавказоведов узнать

о местонахождении могилы Берсана, посетить ее и прочитать эпитафию (см. подробнее: [4, 286]). Находится могила Берсана в Веденском районе ЧР, в сел. Курчали, которое расположено к востоку от Ведено, в верховьях р. Гумс. Надмогильная плита Берсана (рис. 1) представляет собой прямоугольную каменную стелу с верхней стороной в виде как бы треугольника; с плечами, широкой шеей и как бы отрубленной головой. Сбоку вырезана почерком сулс (?) малограмотная арабская надпись религиозного содержания. В ее верхней строке читается мусульманская формула единобожия, начертанная с ошибками. В центре надмогильной плиты имеется нечто вроде площадки для письма, которая сделана путем выемки фона. Там по-арабски написано на схом: «Это – усыпальница... Берсана». Даты нет, а поэтому, с учетом чеченской действительности, датировка здесь затруднительна, но дагестанские параллели заставляют все же думать, что эпитафия с именем Берсана относится к XVI-XVII вв.

В работе У. Лаудаева, который собрал от современных ему чеченских старожилых многочисленные предания о событиях прошлых лет, говорится об исламизаторе чеченского населения Нохчимохка, носившем имя **Термаол**. Приведем цитату, касающуюся рассматриваемого вопроса: «В преданиях народа сохранилось имя первого проповедника исламизма у чеченцев; им был некто Термаол. Он был человек красноречивый и жестокий. Увлекаемые потоком его речей, чеченцы покорились ему. В собрании всего народа он в торжественных словах описывал всемогущество Бога мусульман... Такие речи воспаляли чеченцев, и те, которые хоть мало были в сомнении, тотчас-же делались мусульманами... Окружив себя усерднейшими последователями, Термаол начал смелее производить обращение и убивал противящихся... Он вырыл себе могилу и живой погреб себя. Погребая себя, он сказал: «прощайте мусульмане, теперь я уже больше не нужен вам, но приду тогда, когда вы почувствуете во мне нужды». Некото-

Рис. 1. Надмогильная плита Берсана

рые фанатики и теперь ожидают его появления. Могила его находится в Ичкерии, на земле Энокалинской фамилии» [2, 54-55].

Чеченские историки XX – XXI вв., в их числе и Я.З. Ахмадов, работая над историей исламизации своего народа, не смогли, как видно, разобраться с вопросом о «Термаоле», а поэтому они просто не упоминают о нем в своих трудах, в то время как по поводу Берсана пишут [4, 284-291; 7, 166-167]. Одному из авторов данной статьи (Т.М. Айтберов) удалось выявить уникальный эпиграфический материал на арабском языке, который проливает свет на указанный здесь вопрос.

Эникалинская община расположена ниже уже упоминавшегося селения Курчали – по течению р. Гумс. Вблизи этого чеченского селения Эникали (ныне в составе Курчалоевского района ЧР, в прошлом – в составе Ножаюртовского), расположено сел. Корен-Беной (чечен. – «гнездо ястреба»), которое около 1830 г. было образовано переселенцами из Эникали [1, 597]. В 1981 г. еще существовало (современное его положение нам уточнить не удалось) кладбище «Турпал Термоли каш» (чечен. – «мавзолей героя Термоли»), на котором были похоронены потомки «Термаола». Здесь мы приводим пять эпитафий, которые помогут приблизительно установить время деятельности «Термаола», а также проследить его генеалогию до конца XIX в.

1. Первой стоит привести эпитафию потомка «Термаола» по имени Муса (рис. 2), умершего, по всей видимости, в 1883 г. Его надмогильная плита сделана из песчаника (130 х 60 х 14 см) и имеет закругленный верх, а над арабским текстом (*наسخ*) эпитафии вырезан орнамент с подобием мальтийского креста в центре. Это, как нам видится,

еще одно свидетельство частой ошибки краеведов и архитекторов, пишущих на исторические темы, которые увязывают кресты на башнях Чечни и Дагестана с христианством и его влиянием на Северном Кавказе. Перевод текста: «Покойный, спустившийся // в землю – к милости Творца. // Муса¹ – сын Хизри², // сына Каламата (*Гъаламат*³), сына Кануки (*Гъанукъа*⁴) // сына Гардануки (*Гъарданукъа*⁵), сына Гарда (*Гъард*⁶), // сына Базурки (*Базуркъа*⁷), сына Аурика⁸ (*А-р-к*⁹) // сына Инаруки (*Инарукъа*¹⁰), сына Ола¹¹, сына Терма (*Терм*¹²), сына Анзира (*Ан-з-р*¹³), // сына Ола. 1300 (начался 13.11.1882 г.)».

2. Второй приведем эпитафию некоего Ибрахима, который скончался в 1235/1819-20 г. На его надмогильной плите (93 х 104 см, толщина 13 см), сделанной из песчаника, на которой вырезаны сабля и ружье-кремневка, приводится следующий текст: «1235 (начался 20.10.1819 г.) год. Покойный и прощенный Аллахом Ибрахим был сыном Туган // бия¹⁴, сына Дабалики (*Дабаликъа*¹⁵), сына Кануки, сына Гардануки, сына Гардана, сына Базурки. // О, господи! Помилуй ты их, все их собрание».

3. Следуя хронологическому принципу, упомянем теперь арабскую эпитафию 1845 г., сделанную насхом, которая вырезана на плите из песчаника (123 х 37 х 33 см). Перевод текста: «1261 (начался 9.01.1845 г.) год. // Покойный и прощенный // Мака (*М-ка*), сын Каламата, сына Кануки, сына // Гардануки, сына Гарда // сына Базурки, сына Терм-Ола. // О, господи, прости их!»

4. Следующая интересная для нас эпитафия (95 х 45 см, толщина 13 см, песчаник, почерк насх) гласит: «1314/1896-97 год. // Опустившийся в землю Ушурма // – сын Маза¹⁶, сына Алхазура¹⁷, сына Мака (*М-ка*), сына Каламата, сына Кануки, сына Гардануки //,

сына Гарда, сына Базурки // сына Аурика (А-р-к), сына Инаруки // сына Ола¹⁸, сына Терма, сына Индира (А-н-д-р), сына Ола».

5. Следующая эпитафия (арабский язык, насх): «//Смерть подобна чаше, которую все люди // выпьют, // могила подобна дому, в который войдут все люди! // Покойный и прощенный Аллахом // Берса¹⁹ – сын Олса // сына Буки, сына Ватрака (В-т-р-к²⁰), // сына Васрака (В-с-р-к²¹) сына Уммы (Гумма²²) // сына Умара, // сына Умахана, // сына Кануки (Ханукъа), сына Каламата, сына Кайтуки (Гъайтукъа²³), сына Бази, // сына Базурки, сына Ники (Ника), сына Ола, сына Терма, // сына Андира...²⁴». Относительно датировки эпитафии Берса (укороченная форма имени Берсан), которая в надписи не указана, отметим, что рядом с могилой

этого Берса стоит надгробие (124 x 38 x 14 см, песчаник), содержащее следующую эпитафию 1877 г., сделанную почерком насх на арабском языке: «//Эта могила принадлежит // Эски²⁵ – сыну // Берсана. // Да простит их обоих Аллах! 1294 (начался 15.01.1877 г.) год». Таким образом, оказывается, что «Берс – сын Олса», жил примерно в середине XIX в.

Сопоставив данные всех эпитафий потомков Терман Ола, мы пришли к выводу, что он являлся реальной исторической личностью, родившейся около 1540 г. Вполне достоверными являются, на наш взгляд, генеалогии на эпитафиях Мака, Мусы, Ибрагима. В надписи Ушурмы вместо отца Терма и сына Ола указан лишь один Терма, что можно понять, поскольку их имена слились воедино в «Термаол» и, видимо, позже в устной традиции отдельных предста-

Рис. 2. Надмогильная плита потомка «Термаола», 1880-е гг.

вителей рода так и остались запечатлены. Наиболее полной и достоверной, на наш взгляд, является генеалогия, приведенная в эпитафии Мусы, сына Хизри. Полна неточностей эпитафия Берса, сына Буки. К примеру, имена Умма, Умар и Уммахан, приведенные в этой надписи, скорее всего, являются различными формами одного имени, также как Бази и Базурка, а также Сарак и Ватрак. Также ошибочно указано, что Каламат являлся сыном Кануки, тогда как во всех остальных надписях эти имена приведены в обратной последовательности.

Генеалогия этого рода начинается с Ола I (ок. 1450 г. р.), и на основе данных надмогильных надписей можно вывести следующую цепочку: Ол I – Андир – Терма – Ол – Инарука – Аурик – Базурка – Гардан – Гарданука – Канука, который родился ок. 1720 г. и имел по крайней мере двух сыновей – Дабалика и Каламата. Дабалика имел сына Туганби и внука Ибрагима (ум. в 1819-20 г.). Каламат же имел двух сыновей – Хизри (1787 г. р.), сыном которого являлся Муса (1807 г.р.), и Мака (ум. в 1845 г.), от которого тянется цепочка: Алхазур (1836 г. р.) – Маза (1866 г. р.) – Ушурма (ум. в 1896-97 г.).

В этом роду имело место широкое распространение кабардинских имен, и, следовательно, и весьма оригинальной кабардинской культуры. В меньшей степени это касается аварских имен (Уммахан, Умма). Внимательный анализ антропонимов приводит к мысли о возможном происхождении рода «Термаола» от кабардинцев.

Здесь нельзя не сказать о том, что именно в указанное время (конец XV-XVI вв.) кабардинцы продвигались с равнин Центрального Кавказа к побережью Каспийского моря, в котором они нуждались в силу отгонного ха-

рактера скотоводства. Дело в том, что в зимнее время территория Прикаспия не оказывалась подвержена *джуту* (внезапное оледенение травы) и вызываемой им массовой гибели скота. Кабардинцы, как известно, пытались закрепиться в северно-западном Прикаспии, но горцы Дагестана во главе (?) со знатными кумухцами нападали на них при содействии иранско-сефевидских войск, и, в конце концов, вытеснили адыгоязычный народ в междуречье Сунжи и Терека, а также в пределы современной равнинной Ингушетии. Из Назранской зоны кабардинцы ушли на запад лишь во второй половине XVIII в.

В указанный период, в XVI-XVII вв., на территории Терско-Сулакского междуречья и предгорной Нохчимохка (Ичкерии) осели кабардинские фамилии, образовавшие целый ряд населенных пунктов. По поводу Нохчимохка можно указать на возникновение в это время населенного пункта Гезин-чу, основанного неким Гези – «выходцем из Кабарды». Он попросил покровительства у центороевцев и, войдя таким образом в их состав, «принял Цонтароевскую фамилию». Не исключено, что подобным образом в сел. Эникали заселилась кабардинская фамилия, из которой вышел «Термаол».

Таким образом, мы видим, что реальное распространение ислама среди чеченцев началось в XV в. при помощи миссионеров – Терман Ола и Берсана. Благодаря их деятельности в начале XVII в. восточная часть Чечни – Нохчимохк – была исламизирована. Горная часть Чечни, расположенная в бассейне реки Аргун в середине XVII в. являлась регионом поликонфессиональным, без преобладания какой-либо религии. К примеру, в Шатое в середине XVII в., по свидетельству горных грузин – тушин, вера была «одна с тушинами, а иные

шибутцы (шатоицы. – *Авт.*) живут по-бусурмански» [9, 106].

В XVII в. в юго-западной части Аварии – Цунте – шло дальнейшее укрепление позиций ислама. Аварские газии, не довольствуясь распространением ислама на собственно аварских землях, начали настойчиво заниматься исламизацией расположенных западнее земель вплоть до Ингушетии. Эта политика активно проводилась в жизнь аварским правителем Дугри-нуцалом, умершим в 1667/68 г. В XIX в. он считался святым «шейхом», и поэтому хунзахцы ходили молиться на его могилу. Почитание этого нуцала, по всей вероятности, могло быть вызвано и тем усердием, которое он прилагал для распространения ислама на Восточном Кавказе. Очевидно, незадолго до его смерти, а именно в 1667 г., сформированный в Аварии отряд газиев направился на территорию горной Чечни, в бассейн р. Аргун для насильственного распространения там ислама. В этом войске находился и хунзахский ученый, вышеупомянутый Атанасил Хусайн. После ряда успешных мероприятий по утверждению ислама среди горных чеченцев близ селения Дангу в ущелье Хачарой (*Дангъаб ХIачариб*, ныне территория Итумкалинского района ЧР) развернулось ожесточенное сражение. В нем одним из шахидов стал и Атанасил Хусайн, убитый одним из «неверных» чеченцев [10, 125-126]. Эта информация отражена сыном кадия Шабана ал-Убуди ал-Авари – Мал-

ла-Мухаммадом в 1078/1667-68 г. в книге, которую он переписал во время учебы у ставшего потом шахидом и «убитого в сражении с неверующими Дагнаб-Хачараб» Хусайна, сына Атанаса Хунзахского [11, 60].

Окончательная исламизация горной Чечни произошла лишь в 1770-80-х гг. – во время деятельности шейха Мансура. Об этом пишет Лаудаев – «некто Мансур, алдинский уроженец, Арестенжоевской фамилии, стал во главе народа. Его называли и шейхом, и имамом... Язычествовавшие кабардинцы, галгаи и горные чеченцы принимают ислам и единодушно с чеченцами восстают против русских» [2, 61]. Такие же хронологические рамки окончательной исламизации горных чеченских общин в 1859 г. определяет и А. П. Берже: «один из значительнейших тохумов (фамилий) чеченских принял последний мусульманскую веру около 90 лет тому назад» [12, 150].

Однако на самом деле последними среди чеченцев ислам приняли жители Галанчожа, расположенного на границе с Ингушетией. Как пишет автор начала XX в., «проповедники» ислама в 1820-х гг., «во времена уже Кази-Муллы обратили языческое население в ислам, чем и заставили слиться с общим потоком газавата» [13, 298].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что распространение ислама среди чеченцев началось в конце XV в. и было полностью завершено в 1820-х гг.

Примечания:

1. Согласно посемейным спискам сел. Эникали Мусе Хизриеву в 1867 г. исполнилось 60 лет [6, 409].
2. Согласно посемейным спискам сел. Эникали Хызри Халаматову в 1867 г. исполнилось 80 лет [6, 410].
3. Чеченская форма кабардинского имени *Къэлыбатэ* [8, 167].
4. Чеченская форма кабардинского имени *Къанокъуэ* [8, 165].
5. Распространенное кабардинское имя личное, образованное от имени *Гъардан* с добавлением суффикса *къуэ* – «сын» [8, 224], который в других языках чаще превращался в *-къа*. Таким образом, *Гъарданукъа* означает в переводе с кабардинского – «сын Гардана», коим данный Гарданука и является. Это заставляет нас задуматься о роли кабардинского языка в общественной жизни сел. Эникали и данной фамилии в частности. Не исключено даже, что они были кабардинцами по происхождению.
6. Чеченская форма известного кабардинского имени *Къардэн* [8, 165].
7. Чеченская форма кабардинского имени *Безрокъуэ* [8, 132].
8. В чеченской традиции это имя зафиксировано как «Аурик» [6, 460].
9. Чеченская форма кабардинского имени *Арахъэ* [8, 124].
10. Чеченская форма кабардинского имени *Инэрокъуэ* [8, 158].
11. Чеченская форма кабардинского имени *Уэлий* (рус. транскр. – Оли) [8, 250].
12. Чеченская форма кабардинского имени *Трамэ* [8, 195]?
13. Чеченская форма кабардинского имени *Андрэ* [8, 123]. Также возможно, что это имя образовано от имени Анзор.
14. Известное тюркское имя *Тугъан-бий*.
15. Чеченская форма кабардинского имени *Дэмэлекъуэ*, образованного от имени *Дэмэлей* и суффикса – *къуэ* [8, 144].
16. Согласно посемейным спискам сел. Эникали База, сыну Алхазура в 1867 г. исполнился 1 год [6, 408].
17. Чечен. *Олхозар* – «птица». Согласно посемейным спискам сел. Эникали Алхазуру Макаеву в 1867 г. был 31 год [6, 408].
18. Из данной эпитафии мы узнаем, что «проповедника исламизма» звали не «Термаол», а «Ол – сын Терма» (чечен. – *Терман Ол*).
19. Согласно посемейным спискам сел. Эникали Берсану Элсаеву в 1867 г. исполнилось 40 лет [6, 407].
20. Под *къаф* поставлены три точки, что заставляет читать здесь либо *кI*, либо *хь*.
21. Над *къаф* поставлены три точки. Возможно, это чеченская форма кабардинского имени *Срыкъуэ* [8, 191].
22. Мужское имя «Умма»/*Гумма* было относительно широко известно среди аварцев и чеченцев.
23. Чеченская форма кабардинского имени *Къэтыкъуэ* [8, 169].
24. Лакуна в арабском тексте.
25. Согласно посемейным спискам сел. Эникали Иски, сыну Берсана в 1867 г. исполнилось 10 лет [6, 408].

1. Попов Ив. Ичкерия (историко-топографический очерк) // Сборник сведений о кавказских горцах (ССКГ). Тифлис, 1870. Вып. IV. С. 579-599.
2. Лаудаев У. Чеченское племя // ССКГ. Тифлис, 1872. Вып. VI. С. 54-55.
3. Мужухоев М. Б. Проникновение ислама к чеченцам и ингушам // Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1979. С. 125-150.
4. Ахмадов Я. З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. М., 2001. С. 284-291.
5. Акаев В. Х. Распространение и утверждение ислама // Чеченцы / Отв. ред. Л. Т. Соловьева, В. А. Тишков, З. И. Хасбулатова. М., 2012. С. 426-427.
6. Посемейные списки жителей Ичкеринского округа. 1867 г. / Сост. М. Х. Ченчиева, Э. М. Эльмурзаева, А. М. Ошаева, А. И. Духаев. Под ред. Л. Д. Инуркаевой. Нальчик, 2010.
7. Ахмадов Я. З. Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI – XVIII веках. М., 2009.
8. Коков Дж. Н. Из адыгской (черкесской) ономастики. Нальчик, 1983.
9. Кушева Е. Н., Усманов М. А. К вопросу об общественном строе вайнахов (письмо 1657 г. из Шибутского джамаата царю Алексею Михайловичу) // Советская этнография. 1978. №6. С. 99-110.
10. Айтберов Т. М. Древний Хунзах и хунзахцы. Махачкала, 1993.
11. Айтберов Т. М., Абдулкеримов М. М. Обзор некоторых рукописных сборников Дагестана // Изучение истории и культуры Дагестана: археографический аспект. Махачкала, 1988. С. 60.
12. Берже А. П. Чечня и чеченцы. Грозный, 2008.
13. Иванов М. А. Верховья р. Гехи // Записки Кавказского отдела Русского Географического общества. Тифлис, 1902. Т. 15. С. 270-302.